

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

имени академика Н. Я. МАРРА

СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

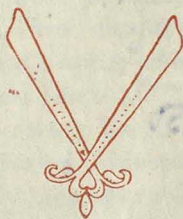
9309
234

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

III

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

М. Е. МАССОН**ВРЕМЯ И ИСТОРИЯ СООРУЖЕНИЯ „ГУМБЕЗА МАНАСА“**

(По данным анализа надписей на памятнике)

Так называемый „Гумбес Манаса“ расположен в 12 км восточнее города Таласа на правом берегу одноименной реки, близ впадения в нее Кенкола. Находясь в стороне от больших транзитных дорог, этот архитектурный памятник, один из интереснейших на территории Киргизской ССР, долгое время оставался вне поля зрения специалистов. Первые сведения о нем с неверным указанием местонахождения попали в научную литературу в 1897 г. после опубликования результатов историко-археологической маршрутной экспедиции В. В. Бартольда и С. М. Дудина в 1893/94 г. от Ташкента через все Семиречье.¹ Несколько лет спустя В. В. Бартольд, получив в свое распоряжение список надписи „на дверях куполообразного здания Манас-гумбес“, писал в 1899 г., что текст ее читается с трудом, что принадлежит он усыпальнице некоей Керик или Кезик-хатун, дочери какого-то эмира, и что от даты сохранилось лишь слово „четыре“, поэтому времени постройки мавзолея определить нельзя.²

Осматривавший его в 1923 г. П. П. Иванов, отметив исчезновение плиток с указанием года, от датировки памятника воздержался, ограничившись признанием, что он относится к сооружениям „во всяком случае не позже XV века“.³ Через два года мне совместно с К. И. Массон удалось побывать в долине Таласа, осмотреть мнимый мавзолей Манаса, произвести первые его обмеры, составить план, прочесть имя покойницы как Кянйзьяк-хатун и указать наличие в дате ее смерти месяца рамадан. По характеру декораций неглазурованными резными плитками я ошибочно признал памятник относящимся к концу домонгольского периода (конец XII — начало XIII в.).⁴ В том же 1927 г. появилась

¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг., ЗАН, VIII серия, по Ист.-фил. отд., т. I, № 4, СПб., 1897, стр. 19.

² Протокол заседания Восточного отделения Русского археологического общества от 11 III 1899 г., ЗВО, т. XII, вып. 1, СПб., 1899, стр. V.

³ П. П. Иванов. К вопросу о древностях в верховьях Таласа. Сборник статей „Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности“, АН СССР, Л., 1934, стр. 246—248.

⁴ М. Е. Массон. Рецензия на статью Б. Н. Засыпкина „Архитектурные памятники Средней Азии“. Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, вып. 1, Ташкент, 1928, стр. 237, прим. 1.

первая небольшая публикация, специально посвященная этому мавзолею Б. П. Денике, где автор на основании сведений, полученных от П. П. Иванова и М. Е. Массона, а также в результате рассмотрения фотографических снимков этого здания, датировал его концом XII столетия. После этого „Гумбез Манаса“ фигурировал в краеведческой литературе как памятник то XII, то XIV—XV вв.

В 1938 г. экспедиция А. Н. Бернштама произвела археологическое вскрытие внутри памятника, а надписи на нем были подвергнуты изучению членом экспедиции А. М. Беленицким, усмотревшим в ней имя амира Абука. Последний был сочтен за одного из амирров Тимūra, в связи с чем А. Н. Бернштам несколько позднее находил возможным более уточненно датировать мавзолей концом XIV—началом XV в., поскольку так определяется эпоха правления Тимūra.¹

Между тем, значительно возросший в тридцатых и сороковых годах уровень научного знания в области истории среднеазиатской архитектуры не позволял уже разделять высказанных определений времени появления „Гумбеза Манаса“. Окончательное выяснение этого явилось одной из главных задач при проводившемся в 1945 г. всестороннем изучении данного памятника мной и архитектором Г. А. Пугаченковой по предложению Управления по делам архитектуры Киргизской ССР. В результате исследовательской работы обоими авторами была написана специальная монография и был детально проработан вопрос, когда и для чего было сооружено здание „Гумбез Манаса“; ответ на вопрос, за отсутствием сведений об этом в письменных исторических источниках, должен был дать сам памятник и прежде всего находящиеся на нем надписи.

Резные терракотовые декорации его портала содержат две надписи. Одна выполнена кufическим почерком с витиеватыми венчаниями линий высоких букв, причем, будучи по ошибке нанесена из-за неверно наложенного трафарета слева направо, не была распознана при исследовании 1938 г. Она содержит повторение одного и того же слова „ал-мулк“ (الملك), т. е. „власть“, под которым подразумевается благочестивое восклицание: „власть принадлежит Аллаху“ (рис. 1).

Вторая надпись — та, которая частично была разобрана в свое время В. В. Бартольдом и мной. Предложенная в 1938 г. А. М. Беленицким полная ее расшифровка была приведена в популярной брошюре о мазаре Манаса, изданной во Фрунзе² в 1945 г., а в несколько иной редакции текст и перевод ее были любезно предоставлены в мое распоряжение в начале 1946 г. самим автором.

Рис. 1. Плитка с надписью „власть“ с мавзолея „Гумбез Манаса“.

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 109 и сл. — Он же. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942, стр. 18.

² А. Н. Бернштам. Мазар Манаса. Памятники архитектуры Киргизстана. Фрунзе, 1946, стр. 7.

В результате наших работ 1945 г. в транскрипцию и перевод последнего, а равно и в истолкование представляется возможным внести некоторые изменения.

Надпись начинается внизу восточного пилона, затем, изламываясь под прямым углом, обрамляет тимпаны входной арки, после чего сбегает вертикально вниз по западному пилону. Начало и конец ее утрачены. В 1936 г. памятник лишился еще трех верхних плит надписи, чтение каковых восстанавливается по старым фотографиям. В сохранившихся до 1936 г. частях надписи значится (рис. 2, а—б):

[هذا روضه عا]ليه الصالحه المستوره المخدوره نتيجه السعادات فاتحه الخيرات رابعه الزمان مفخره النساء كنيذك خاتون بنت الامير الاجل المحترم المكرم منبع الجود و الكرم ناصر الصيف والقلم¹ امير ابوكا و سقا الله سواهما و جعل الجنة مثواهما و كان ذلك في غرة من شهر رمضان وهو سنة الله المباركة سنة اربع....

“[Эта усыпальница вы]сокая добродетельной, целомудренной, честной, зародыша благополучий, начала добрых дел, Раби’и эпохи,² славы женского пола, Кяниязк хātūn, дочери амīра превосходного, почитаемого, уважаемого, источника щедрости и благородства, защитника меча и пера,³ амīра Абūkā⁴,— и да напоит Аллах могилу их обоих и да сделает рай их жилищем! И было то в первый день луны месяца рамадана, а он — тайна аллахова благословения — года четвертого...”⁵

Утрата плиток с проставленными некогда на них словами, указывавшими цифры сотен и десятков года, когда последовала смерть Кяниязк хātūn, лишает теперь возможности установить абсолютно точно эту дату, которая в известной мере определяет и время возникновения памятника, отстроенного, несомненно, вскоре вслед за упомянутым событием. Решение этого вопроса наталкивается

¹ Так! См. по поводу данного титула ниже, стр. 33, примечание от редакции.

² Как любезно сообщил Т. Миргиязов, помогший мне уяснить смысл этого эпитета, Раби’а — это имя, ставшее на мусульманском Востоке синонимом женщины исключительной доброты и милосердия. Согласно широко распространенному апокрифу, некая Раби’а, бывшая одно время женщиной легкого поведения, после искреннего раскаяния для замаливания своих грехов решила совершить хадж в Мекку. По дороге в пустыне она встретила заблудившуюся и погибавшую от жажды собаку и из жалости к несчастному животному напоила ее, уделив ей свой скудный запас воды. После действия этого поступка было полное прощение ее Аллахом, и знамением этого послужило то, что уже не Раби’а продолжала путь для заработка далекой Ка’бы, но сама Ка’ба чудесным образом предстала перед ней. Таким образом, Кяниязк рекомендуется как новоявленная Раби’а своей эпохи.

³ См. ниже, стр. 33, прим. 2 от редакции.

⁴ Об ошибочности начертания имени „Абукан“ вместо правильного „Абūkā“ см. ниже. Вообще, в надписи имеется ряд неправильностей, которые следует, повидимому, отнести за счет каллиграфа — машпака, а не резчика, неплохо справившегося с своей частью работы. Недочеты начертания или транскрипции отмечаются с самого начала. Так, при эпитете „добродетельная“ в арабском члене „алиф“ слит с „лāmом“.

⁵ Ср. перевод А. М. Беленицкого в статье: Из мусульманской эпитафии в Таласской долине. Надпись мавзолея Манас-Гумбез. Эпитафия Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 17.

на ряд трудностей, поскольку приведенные в надписи имена лиц даны без уточненной генеалогии и, таким образом, возможное отождествление их с известными по письменным источникам историческими персонажами также является подлежащей выяснению загадкой.

Установление эпохи появления памятника помогает уточнить прежде всего эпиграфический анализ самой надписи, выполненной не очень опытным каллиграфом своеобразным почерком дивани, не имеющим в Средней Азии полной аналогии. Шрифт, употребленный на „Гумбезе Манаса“, абсолютно не похож на надпись мавзолея Сырлытам, расположенного в Кызыл-кумах в 70 км от Кызыл-орды и относящегося к самому концу XIII столетия, и на почерк люстрового михраба Эрмитажа с датой 1305 г.¹ Больше всего сходных признаков он имеет со шрифтом исторической надписи на портале Куния-ургенчского мавзолея монгольской эпохи над могилой Наджм ад-дин Кубра, отстроенного в правление Кутлуг Тимūra (1321—1333 гг. н. э.). Это прежде всего: тенденция размещать слова под некоторым углом сверху вниз; почти исключительно вертикальное и параллельное расположение стволов высоких букв (алифа, лāма и кафа); лām-алиф с вертикальным алифом и резко направленным после сплюсненной петли лāмом далеко направо вверх, но не до высоты алифа; как бы треугольное навершие высоких букв; очень растянутое вправо с мягким изгибом венчание кафа, имеющего вертикальный ствол; начертание хā (ح) с малой круглой нижней петлей, лежащей несколько правее второй, верхней, более плоской, вытянутой вверх, с заостренным поворотом самой петли. К резким различиям относится отсутствие в надписи „Гумбеза Манаса“ поворота конечного йā (ي) направо, как это имеет место на мавзолее Наджм ад-дина Кубра. Надо учитывать при этом, что разницу в начертании их следует относить также за счет различной техники исполнения надписей, которые в одном случае даны с глубокой резьбой по терракотовым плитам, а в другом — плоской майоликовой росписью. Поворот направо — назад конечного йā типичен для всех надписей на более поздних местных архитектурных памятниках XIV столетия.

Характерно, что все надписи, выполненные резьбой по терракоте не куфическими почерками, на среднеазиатских памятниках домонгольского периода совершенно лишены точек, в то время как на „Гумбезе Манаса“ таковые уже имеются, правда лишь в шести случаях при начертании пяти слов, а именно: дважды под бā (ب) и по одному разу над тā (ت), хā (ح), зā (ز) и фā (ف). Вместе с тем, в майоликовой надписи мавзолея Наджм ад-дина Кубра подстрочных и надстрочных знаков очень много, а рельефные изразцовые надписи всех более поздних памятников XIV в., начиная с мавзолея Мухаммада Башāра в верховьях Зерафшана 743 (1342—1343 г. н. э.), их не имеют. Они появляются в изобилии с самого конца XIV в. на тимуридских памятниках в мозаичных надписях почерком суюльс.

¹ В. А. Крачковская. Изразцовый люстровый михраб Эрмитажа. Сб. „Иран“, I, Л., 1926 (1927), стр. 73 и сл.

Плоскорельефные майоликовые и резные изразцовые надписи среднеазиатских архитектурных памятников XIV столетия, начиная с мечети 1334—1335 г. у мавзолея Ку́сама, мавзолеев Му́хаммада Баша́ра, Буя́нкули́ хана (1358 г.) и кончая усыпальницами 1360, 1371 и 1375 гг. из ансамбля Шах-и Зинда, написаны почерком насхи, совершенно не имеют тенденции наклонного размещения слов сверху вниз и отличаются от почерка „Гумбеза Манаса“, между прочим, иными венчаниями стволы высоких букв и соединениями лам-алифа. При этом большее сходство с нашим памятником отмечается у мечети при мазаре Ку́сама и мавзолея Му́хаммада Баша́ра, т. е. у наиболее ранних из них, причем надписи их даны более компактно. У всех же памятников второй половины XIV столетия, начиная с бухарского мавзолея Буя́нкули́ хана, овалы букв групп айн (ع, غ), фа-каф (ق, ف) и вав (و) очень укрупнены, ха (ح) замещается обычно угловым начертанием и совершенно иные венчания стволы высоких букв.

Специфику надписи „Гумбеза Манаса“ составляют, между прочим, слитые начертания вообще несоединяемых букв, особенно ра (ر) с конечным ха (ح) в четырех случаях и вав (و) с конечным даль (د).

Не вдаваясь в большую детализацию и подводя итог приведенным наблюдениям, нельзя не констатировать, что с точки зрения эпиграфической „Гумбез Манаса“ совершенно не похож на памятники второй половины XIV в. и более позднего тимуридского времени, резко отличается от таковых же конца XIII — начала XIV в. и может быть сближен с сохранившимися зданиями 20—30-х годов XIV столетия.

Показателем эпохи служит отчасти самое назначение „Гумбеза Манаса“ — быть погребальным сооружением над могилой титулованной женщины. Для домонгольского периода в Средней Азии женские мусульманские надгробия не типичны. В свое время В. Л. Вяткин даже утверждал, будто среди надгробных галек нет кайраков с женскими именами.¹ В действительности они имеются, причем текст эпитафии не всегда называет самое имя покойницы, ограничиваясь сообщением ее положения в отношении какого-либо мужчины: например что она жена такого-то лица. Встречаются именные женские кайраки с указанием, что усопшая была матерью такого-то амира, дочерью такого-то отца, а в одном случае дочерью такой-то, очевидно, весьма популярной в свое время матери. Далеко не все женские кайраки точно датируются. Наиболее ранним из них пока, повидимому, надо считать хранящийся в археологической коллекции бывшего Главного среднеазиатского музея и содержащий дату 596/1199—1200 г. Кроме этого единственного известного в настоящее время домонгольского женского датированного кайрака, женские надгробные гальки с проставленными годами выявлены только для XIV столетия и, что характерно, лишь в Фергане и в более северных областях Туркестана. Так, в 1927 г. нами был обнаружен в Узгенде женский кайрак с датой 5 джумада II 775/22 ноября 1373 г.,

¹ В. Л. Вяткин. Самаркандская археологическая хроника. Известия Среднеазиатского музея, вып. III. Ташкент, 1928, стр. 278.

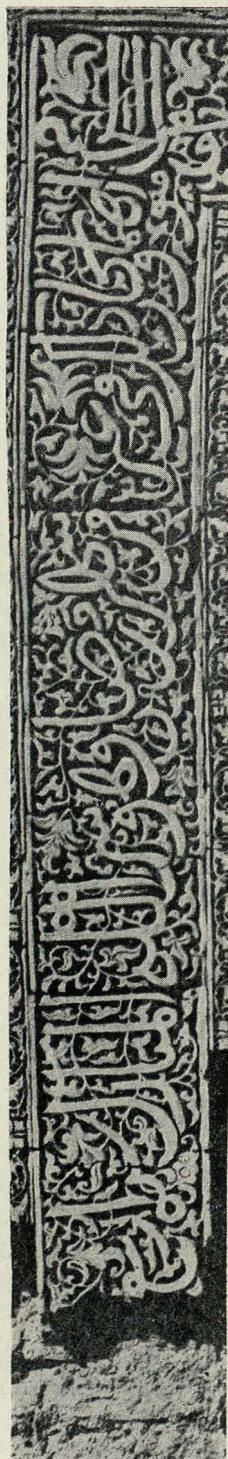
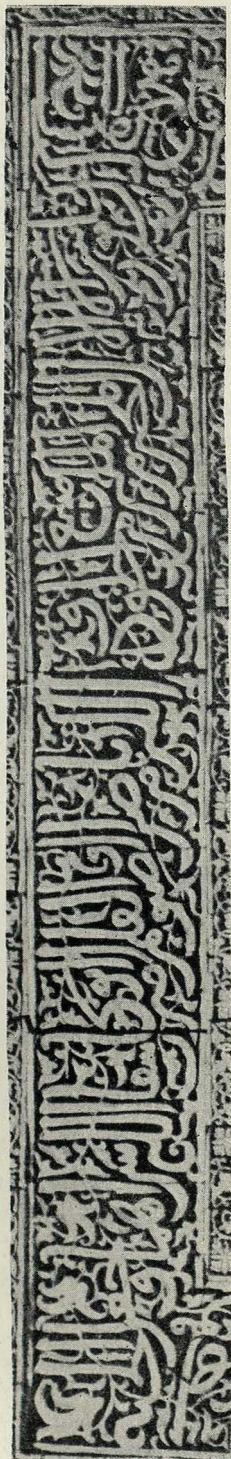

Рис. 2.

а — "Думбес Манаса". Начало главной надписи на поргале.
б — "Думбес Манаса". Середина главной надписи на поргале.
в — "Думбес Манаса". Коней главной надписи на поргале.

а в только что упомянутом музейном собрании находится еще кайрак Тāдж хātūн, дочери сада мавлāна Бурхāн ад-дина, умершей 14 рабī II 778/16 апреля 1336 г.¹

Что касается женских мавзолеев, то таковых для домонгольского периода в Средней Азии совершенно не выявлено. Наиболее ранние из известных и могущие быть сближенными с „Гумбезом Манаса“ существуют в северных районах Туркестана, а именно: упоминавшаяся усыпальница Сырлытам конца XIII в. и мавзолей Бабаджи хātūн (находившейся в каких-то отношениях с амīром Мухаммадом), расположенный в селении Головачевском близ города Джамбула. Стоящий рядом с последним памятник народная молва упорно связывает также с некоей женщиной ‘А’иша-бībī. Число более поздних мавзолеев, приходящихся на время Тимūra и Тимуридов, довольно значительно. Все это очень отчетливо подчеркивает общественное положение женщины у среднеазиатских монгол, унаследованное позднее Тимуридами вместе со многими другими традициями кочевого быта.

Уточняющим датировку „Гумбеза Манаса“ может служить также анализ титулатуры или вернее набора почетных прозвищ упомянутых в надписи лиц, учитывая, что сочетание таких прозвищ в эпитафиях более или менее стандартно для каждой отдельной исторической эпохи. В этом отношении большой интерес представляет остававшаяся до сих пор никем не прочитанной полностью надпись кызыл-кумского мавзолея Сырлытам (что значит „Полированная усыпальница“). Изготовленный с него в 1900 г. по поручению В. А. Каллаура Тюлекбергенем Джилькибаевым схематический рисунок главного фасада был опубликован в протоколах Туркестанского кружка любителей археологии, причем Н. П. Остроумов в надписи усмотрел дату 678/1279 г.² Начало и конец надписи, проходящей в виде обрамления входной ниши по всему portalу, как и у „Гумбеза Манаса“, в значительной мере утрачены. В сохранившейся части текста нами читается следующее:

‘... жизнь неопытная скрылась с благостью в начале сафара года 698. И дух отдала ради отбытия из вместилища тленности в обитель вечности целомудренная сила, честная, начало добрых дел, зародыш благополучий Кизл хātūн, дочь...’ (рис. 3).

В отдельной филенке щипцовой стены ниши, над дверью, указано имя мастера: عمل جمال خيَّاط ‘Работа Джамāля Хайāта.’

Сафар 693 г. х. начался 8 ноября 1298 г. н. э., и, таким образом, в надписи мавзолея самого конца XIII столетия мы имеем буквальное совпадение пяти слов почетных прозвищ с таковыми же в эпитафии Кяниязк хātūн.

¹ Образцы женских кайраков из Джетгысу см.: Н. Пантусов. Кладбище на реке Кунгей Аксу близ селения Сазановки. ПТКЛА, год XII, Ташкент, 1906, стр. 9, 12, 15, 16, 19, 20.

² В. А. Каллаур. Развалины Сырлы-там в Перовском уезде. ПТКЛА, год VI, 1901, стр. 14—17. Определение Н. П. Остроумова помещено в примечании на стр. 17. В рисунке допущена явная перестановка некоторых слов верхней части надписи.

³ Эпиграфика Востока, III

В качестве сравнительного материала по мужским почетным прозвищам очень интересен текст намогильной плиты сипāхсālāра Улуг Бильгя Икбал

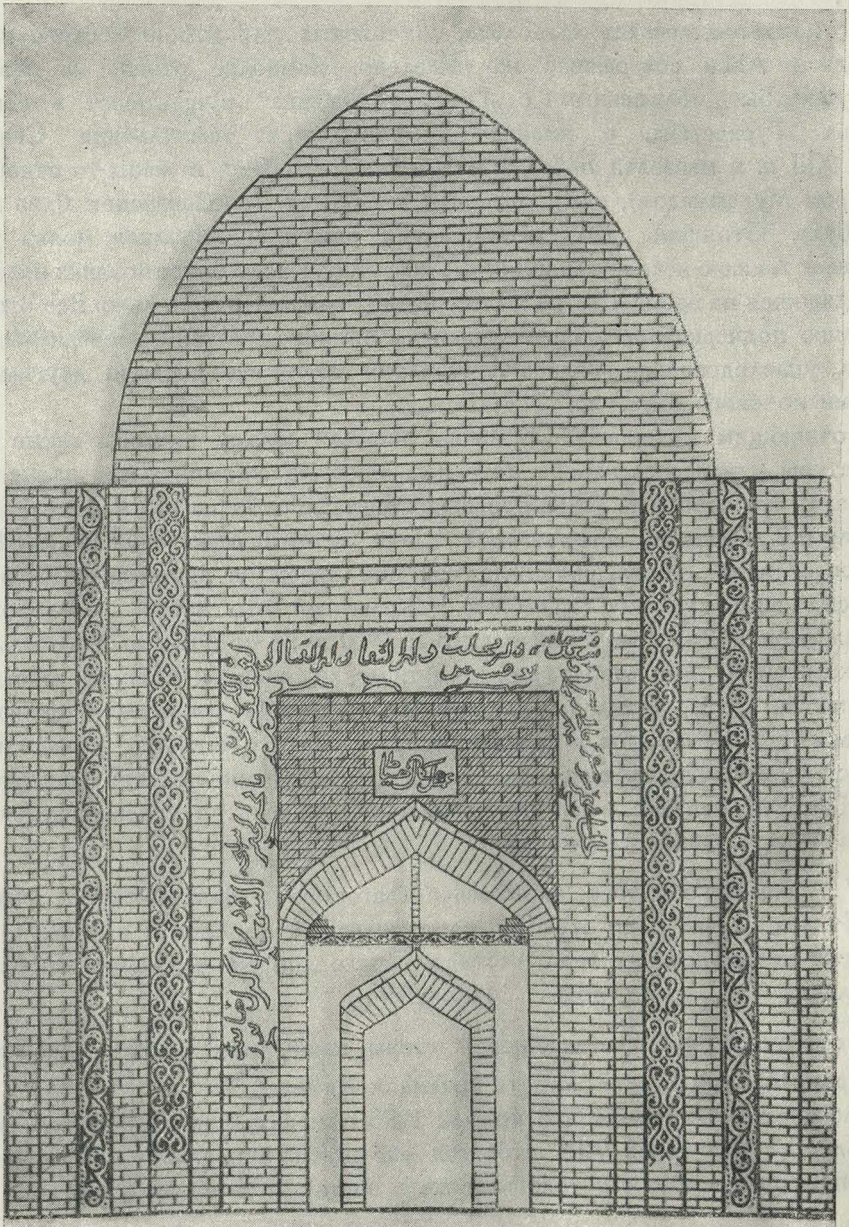

Рис. 3. Мавзолей Сырлытам.

хāна Дāvūd бека, скончавшегося 7 рабī' II 660/31 марта 1262 г. и похороненного на кладбище города Тараза (ныне Джамбул) близ мавзолея Қарахāна.

В исключительно пышной титулатуре этого тюркского военачальника монгольской эпохи, заключающей в себе свыше пятидесяти слов, с почетными эпитетами отца Кяниязак совпадает лишь характеристика его как „источника щедрости и благородства“, причем в джамбульском памятнике для первого понятия употреблен термин „маден“ (معادن). т. е. собственно „месторождение“, „рудник“, а не „источник“, „начало“ или „фонтан“, как на „Гумбезе Манаса“.¹ Отчасти также могут быть сближены выражения „владелец меча и пера“ и „покровитель ученых“ (هـ بى العلماء) — у В. В. Бартольда — „дающего пропитание ученым“ с эпитетами амира Аб7ка — „защитник блеска и пера“.²

Значительно больше совпадений с мужской титулатурой надписи „Гумбеза Манаса“ отмечается в эпитафии еще не опубликованного валуна из собрания Фрунзенского музея истории и истории культуры Киргизии, принадлежащей также монгольской эпохе, но относящейся уже к началу XIV столетия. Впервые я обратил внимание на этот кайрак в 1927 г. при своей работе во Фрунзенском музее в качестве инструктора Средазкомстариса по музейной секции, когда мной было дано определение памятника и списана большая часть основного текста эпитафии. При осмотре этого памятника в 1945 г. для уточнения транскрипции выяснилось, что часть текста за истекшие годы сильно сбита какими-то ударами, и восстановление его более или менее полностью оказалось возможным только благодаря сделанному двадцать один год назад списку. В эпитафии значится (рис. 4):

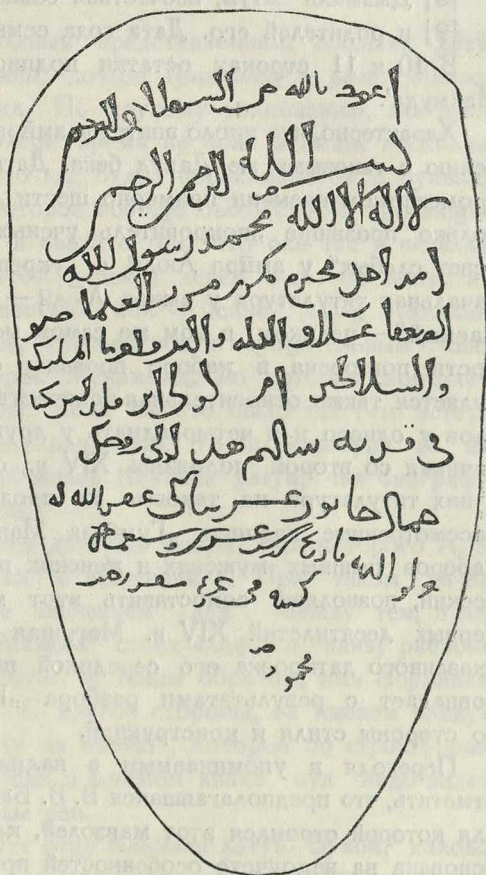

Рис. 4. Кайрак амира Л7юли 726 г. х.

[1] Прибегаю к помощи Аллаха от дьявола, побиенного камнями.

[2] Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

[3] Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха!

¹ Перевод джамбульской надгробной плиты 1262 г. сделан был В. В. Бартольдом по копии надписи, присланной В. А. Каллауром. См.: Протокол заседания Восточного отделения Русского археологического общества от 11 марта 1899 г. ЗВО, т. XII, вып. 1, стр. V.

² Ср. выше, стр. 30, прим. 1 и 3.

[4] Ам̄ир̄ превосходный, почитаеый, уважаеый, покровитель ученых, свет слабых, преизобилие душевного беспокойства и набожности, ... госу-

[5] дарей

[6] и султ̄анов, ам̄ир̄ Л̄ю̄ли, сын [неясно]...

[7] В близком свойстве благополучном этому Л̄ю̄лӣ женка

[8] Джамаль х̄ат̄ун, несчастная созидательница. Да простит Алл̄ах его

[9] и родителей его. Дата года семьсот двадцать шесть'.

В 10 и 11 строках остатки подписи мастера-резчика эпитафии: 'работа Махмуда'.

Характерно, что число эпитетов ам̄ира̄ Л̄ю̄лӣ почти в пять раз меньше по сравнению с таковыми же Дав̄уд̄ бека. Даты их смерти отделены друг от друга промежутком времени примерно шести десятилетий. Вполне совпадает у обоих только прозвище „покровитель ученых“ и по смыслу сближаются эпитеты „свет слабых“ у ам̄ира̄ Л̄ю̄лӣ с „укрепляющий слабых“ у Дав̄уд̄ бека. Зато начальная титулатура у амира Л̄ю̄лӣ — „ам̄ир̄ превосходный, почитаеый, уважаеый“ — целиком, в том же самом месте и в той же самой последовательности повторена в наборе прозвищ отца Кян̄н̄яз̄як х̄ат̄ун. Общим для них является также относительная количественная скромность титулатуры (в десять слов у одного и в четырнадцать у другого). Эпитафии ам̄иров̄ эпохи Т̄им̄ура, начиная со второй половины XIV в., совершенно не похожи по заключенной в них титулатуре на таковые же предшествующего периода. Таким образом, рассмотренные надписи „Гумбеза Манаса“ со стороны заключенных в них наборов пышных мужских и женских прозвищ, также как и анализ эпиграфический, позволяют сопоставить этот мавзолей с надгробными памятниками первых десятилетий XIV в. Могущая же быть предложенной в силу уже сказанного датировка его серединой первой половины XIV столетия вполне совпадает с результатами разбора „Гумбеза Манаса“ Г. А. Пугаченковой со стороны стиля и конструкций.

Переходя к упоминаемым в надписи „Гумбеза Манаса“ лицам, следует отметить, что предполагавшаяся В. В. Бартольдом расшифровка имени женщины, для которой строился этот мавзолей, как Керик или Кезик ('очередь', 'сутки') основана на недоучете особенностей принятого на памятнике стиля начертания, при котором соединение букв группы ба̄ и па̄ с конечными группы ра̄ дается слитно, без особого выделения предшествующего знака. Подлинное ее имя „Кян̄н̄яз̄як“ есть уменьшительное от персидского „кян̄н̄яз̄“, что значит 'рабыня', 'служанка', но также—'девица', 'девственница', откуда „кян̄н̄яз̄и“—и 'девственность' и 'служба в рабстве'. Совершенно очевидно, что в приложении к высокопоставленному лицу женского пола значение 'служанка', 'рабыня' отпадает.

Соответствующий имени Кян̄н̄яз̄як эпитет „х̄ат̄ун“ является тюркским словом, несомненно, одного корня с „хвaten“ ('женщина'), встречающимся еще в буддийских текстах, написанных по-согдийски. Термин „х̄ат̄ун“ в значении 'дама', 'госпожа из высшего общества', 'султанша' был распространен в Средней Азии еще в XII в., когда х̄ат̄унями титуловались жены и дочери каракитайского гур̄хана, х̄орезмшаха и других династов. Он особенно широко приме-

нялся здесь при монголах, встречаясь в эпитафиях и в современных исторических источниках. Так, арабский путешественник Ибн Баттута, проехавший по Средней Азии в 30-х годах XIV столетия, иначе и не титулет монгольских принцесс, как „хатунями“.¹ При Тимуре и Тимуридах эпитет „хатун“ хотя и не утратил своего аристократического оттенка, но применялся уже реже, а ханши титуловались обычно как „ханум“.

Согласно одним современным народным представлениям, Кянйязк хатун есть искаженное в надписи имя Каныкей, дочери Карахана и жены Манаса, жившей якобы пятьсот лет тому назад. По другому толкованию, так звали ту невесту Манаса, которую герой долгое время не брал в жены, поскольку она была дочерью не мусульманина. Это как будто перекликается с буквальным значением имени Кянйязк хатун, которое вообще было скорее прозвищем, утвердившимся за этой дочерью ами́ра в связи с тем, что она так и осталась девственницей до самой смерти. В этом аспекте легко было бы допустить чтение вместо „низā“ نساء 'женщина, женский пол' — „санā“ (سنا), буквально 'свет' и одновременно широко известное, ставшее почти нарицательным словом имя женщины, на которой женился пророк Мухаммад, но которая скончалась до установления супружеских отношений. Если бы это было так (что эпиграфически не находит решительного подкрепления), то в эпитафии до нас дошел бы намек на какую-то деталь из жизни Кянйязк хатун, чья биография исторически пока остается невыясненной.

По надписи на мавзолее она является дочерью ами́ра, имя которого А. М. Беленицкий транскрибировал как „Абӯкā“ с конечным ā. При таком начертании получается слово уйгурское со значением „дед“. Между тем, в нем после кāфа в надписи на „Гумбезе Манаса“ стоит алиф, а внизу расположен знак, который можно принять за нун, и, таким образом, имя формально следует как будто читать „Абӯкāн“. С другой стороны, за именем следует восклицание — „да напоит Аллах могилу их обоих!“, которое по строю фразы могло бы начинаться союзом „и“, а тогда в мнимом знаке нун надо видеть искаженное мастером изображение буквы вāv.

А. Н. Бернштам неправильно именуется отца Кянйязк хатун Букой,² каковое имя по-узбекски пишется с мягким к и алифом, что согласно Бабуру, значит 'сильный человек'; в джагатайском — это 'герой', 'боец'. Есть в джагатайском слово „Букан“ 'плотина'; как собственное мужское имя оно встречалось в Средней Азии у кочевников еще в XVIII в. Так звали, между прочим, атамана разбойников, по имени которого, якобы, получили свое современное название кизылкумские горы Бакантау. Имя же Абӯкāн не известно. Упомянутое в надписи имя „Абӯкā“ может быть сближено с киргизским „Абыке“ в эпосе „Манас“, где так назван один из двух врагов киргизского народного героя, объявивших себя после его смерти ханами, принуждавших Каныкей

¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде, I. СПб., 1884, стр. 302 и др.

² А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 110. — Он же, Культура..., стр. 18.

сделаться по старому киргизскому обычаю женой одного из них и настаивавших на казни младенца Семетея.

Надпись на „Гумбезе Манаса“ очень мало сообщает об амīре Абӯк̄а, но, во всяком случае, она опровергает высказывавшееся А. Н. Бернштамом утверждение, будто именно он отстроил этот памятник в качестве усыпальницы для своей дочери.¹ Фразы „да напоит Аллах их (т. е. отца и дочери) могилу и да сделает рай их жилищем!“ заключают в себе обычные пожелания, которые высказываются лишь в отношении ушедших из жизни, и, следовательно, к моменту сооружения мавзолея, на котором проставлен год смерти Кянйязк х̄атӯн, амīра уже не было в живых. Датировка памятника серединой первой половины XIV столетия в известной мере определяет и период жизни амīра Абӯк̄а.

Самое появление „Гумбеза Манаса“ — показатель видного места, какое занимали в обществе своего времени Абӯк̄а и Кянйязк х̄атӯн, так как над могилой дочери рядового амīра не стали бы возводить роскошного архитектурного сооружения. Лаконичность эпитафии, в которой не указывается даже отец Абӯк̄и, не говоря о приведении более детальной генеалогии покойницы по восходящей мужской линии, свидетельствует, что имя ее отца было тогда достаточно популярным и не нуждалось в уточненной расшифровке его родственных отношений с достаточно, очевидно, хорошо известными предками. Абӯк̄а и Кянйязк х̄атӯн по своему происхождению, несомненно, джагатаидские аристократы и при этом, как явствует по упомянутым в надписи на мавзолее мусульманским религиозным формулам, из числа лиц, уже принявших ислам и даже более глубоко приобщившихся к оседлой городской культуре, поскольку отец объявляется „защитником блеска [подразумевается городской мусульманской культуры] и пера“ (т. е. литературных занятий).² Все это вместе взятое делает очень соблазнительной попытку отыскать среди джагатайских амīров, близких ханскому дому, подходящую личность.

Для самого конца XIII и начала XIV в. в числе младших сыновей знаменитого Дува (Дув̄а) действительно находится Абӯк̄а, который, повидимому, не играл большой самостоятельной роли в государстве, а возможно и умер относительно рано, так как почти не упоминается в описаниях событий политической жизни Средней Азии первой половины XIV столетия, когда на страницах истории фигурируют имена многих из его братьев, а затем детей.

Небезинтересно, что современное киргизское население долины Таласа считает, что Дув̄а х̄ан был дедом Манаса. Исторический Дув̄а или Тува был очень популярной личностью в конце XIII в. Он являлся долгое время правой рукой х̄ана Хайду и много способствовал восстановлению порядка в разди-

¹ А. Н. Бернштам. Культура..., стр. 18.

² *Примечание от редакции.* В тексте надписи, повидимому, резчик допустил ошибку в первой букве второго слова сложного титула: с̄ад вм. с̄ин; титул употреблялся для обозначения двух видов власти, объединяемых одним лицом, — военной и гражданской; наиболее употребительна была форма: 'с̄ах̄иб ас-сайф уа-л-қалам' и другие варианты XIV—XV вв. См.: M. van Berchem. Corpus Inscriptionum Arabicarum. Mémoires publiés par les membres de la Mission française au Caire, Tome XIX, Première Partie, Égypte. Paris, №№ 54, 56, 233, 418; стр. 244, 368, 402.

равшемся междоусобиями Джагатайском улусе. По его распоряжению, в Фергане был отстроен город Андижан. Вместе с ханом он вмешивался в распри Белой и Синей орды, бывшей фактически независимой от золотоордынских джучидских ханов. К тому времени центр этого так называемого улуса Орды уже переместился из северной части Семиречья, где он был в первой половине XIII в., к низовьям Сыр-дарьи. После смерти Хайду Дувā оставался главным столпом власти его сына Чапара, и ему же принадлежит инициатива в попытке восстановить единство монгольской империи в форме федерации, что сразу же встретило противодействие в государстве персидских Хулагидов. В 1305 г. н. э., во время столкновения джагатайских царевичей с Чапаром, военачальники Дувы, проводившие зиму в южной части Семиречья, выступили на стороне первых, оказавшихся в конце концов победителями и разграбивших в долине Таласа и „Золотую орду“ брата хана и сына Хайду, Шаха. После смерти Дувы в 1306 г. джагатайские царевичи подвергли разгрому весь бывший эль Хайду, предав разграблению между прочим земли Таласа и Янги. Ханом был избран около Алмалыка сын Дувы, Кунджук, умерший в Юлдузе в 1308 г., после чего его престол захватил престарелый царевич Талику, который был мусульманином и вызывал своим покровительством исламу недовольство многих Джагатаидов.

Вскоре же на политической арене в видных ролях стали появляться другие сыновья Дувы, которых считали законными претендентами на ханский престол в Джагатайском улусе. Сперва это был Есенбукā, выдвинутый в ханы около 710 г. своим братом Кекеком после удачи в заговоре против жизни Талику. Хотя в правление Есенбукā войска ханана, нанеся ему ряд поражений, разбили его зимнюю резиденцию около Иссык-куля и летнюю ставку около Таласа, тем не менее ему удалось восстановить известный порядок в стране. Затем, примерно около 1318 г., его место занял сам Кекек, не принявший ислама, но покровительствовавший мусульманам и перенесший свою резиденцию в долину Кашка-дарьи. Его правление ознаменовалось заботами о благополучии страны, причем преимущественное внимание уделялось землям Мāверā'ннахра и Афганистана. При нем имели место некоторые реформы, в частности денежного хозяйства.

В 1326 г. Кепека сменяли на престоле его поочередно правившие братья Ильчигидай, Дувā Тимур и в конце года Тармāшйрин. Последний, проведя удачные военные операции в Афганистане и совершив поход на Индию, своим постоянным пребыванием избрал опять-таки южные области Мāверā'ннахра и почти не ездил в Алмалык. Вначале он оставался язычником, но затем, все более порывая с кочевыми традициями, принял ислам, который провозгласил господствующей религией в государстве. Это вызвало открытый раскол в среде монгольских родов; некоторые из них оказались в открытой вражде с ханом. Судя по нумизматическим данным, при Тармāшйрине Таласом управлял в качестве соправителя его сын, Санджар. Поднятое против Тармāшйрина как нарушителя ясы возмущение заставило его бежать в Газну, но по дороге он был захвачен сыном Кепека, а затем убит под Самаркандом в 1334 г.

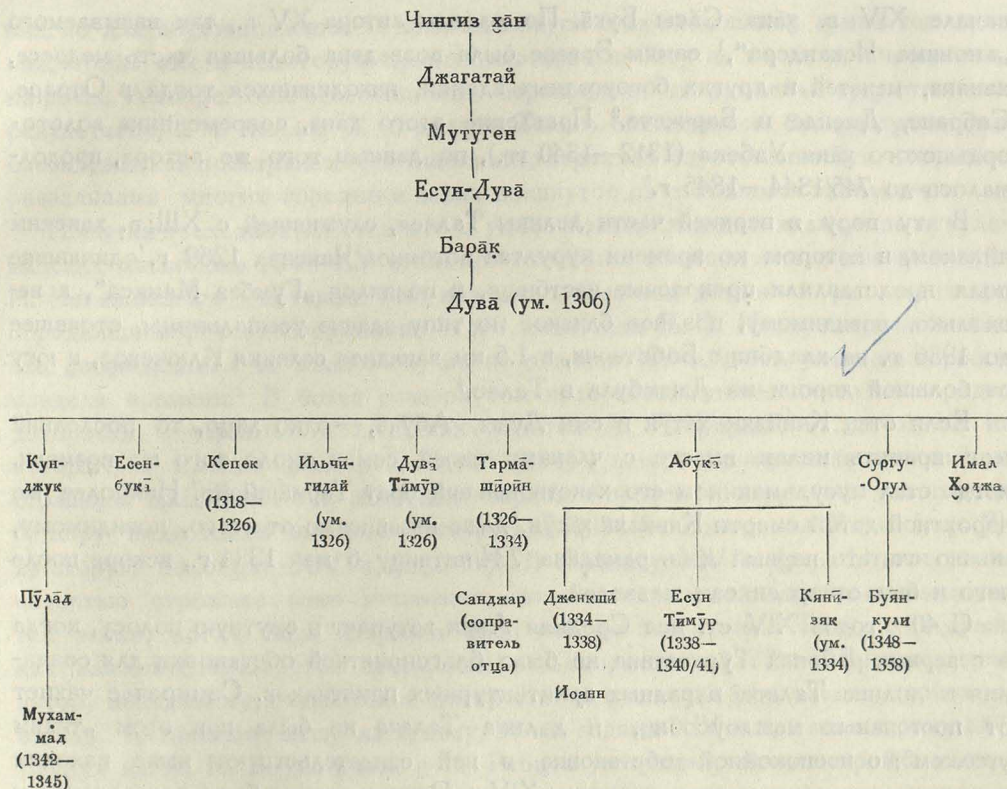
Одним из последствий этого события было перенесение столицы в северо-восточную часть государства и приход к власти племянника Тармаширйна и внука Дувы, Бузўна, в противоположность своим предшественникам притеснявшего мусульман, покровительствовавшего евреям и христианам и казнившего большое число своих видных политических противников. В том же году ему наследовал его двоюродный брат и сын Абўкә, Дженкшй, не бывший сторонником ислама, покровительствовавший буддийским жрецам и католическим миссионерам, даже крестившим его сына, Иоанна, которого они сумели излечить от тяжелой болезни. Дженкшй был убит своим братом Есун Тимўром в Алмалыке в 1338 г., когда все Семиречье было объято эпидемией чумы. Этот второй сын Абўкә, помешавшийся на почве братоубийства, был низложен на третьем году правления царевичем 'Али султāном из потомков Угедея, мусульманином по вероисповеданию и жестоким тираном.

В начавшийся после этого смутный период, приведший к еще большему разобщению западной и восточной части улуса Джагатая, хāнами дважды оказывались потомки Дувы; а именно между 1342 и 1346 гг. таковым был его правнук Мухаммад, а в промежутке с 1348 по 1355 гг. — его внук и племянник Абўки, Буянқули. Последний являлся лишь подставным хāном, так как фактическая власть находилась в руках все сильного амйра Казагана.¹

Коль скоро, учитывая приведенную выше аргументацию, Кянйязк хātун была внучкой Дувы, племянницей хāнов Есенбуки, Кепека, Ильчйгидая, Дува Тимўра, Тармаширйна, сестрой хāнов Дженкшй и Есун Тимўра, двоюродной сестрой хāнов Бузўна, Санджара и Буянқули и, наконец, теткой хāна Мухаммада и монгольского царевича — католика Иоанна (см. генеалогическую таблицу, стр. 41), то вполне оправдан сам факт сооружения над ее могилой дорогостоящего парадного мавзолея.

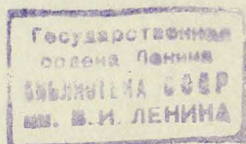
Общий исторический фон эпохи и картина той обстановки, которая была в долине Таласа в момент появления там „Гумбеза Манаса“, довольно ясна. В полупатриархальное общество с кочевой аристократией, каковое представляли собой пришедшие в Среднюю Азию монголы, ислам начал проникать уже в XIII в., хотя противоречия и экономическая борьба между кочевниками и оседлым населением поддерживали в народной толще завоевателей антипатию к мусульманской культуре вообще в течение длительного времени и много позднее. Мусульманские авторы хвалят Хайду за справедливость и покровительство исламу. Тāликў не только покровительствует ему, но сам принимает его. Во втором и третьем десятилетиях XIV в. при Кепеке, хотя и остававшемся язычником, но целиком перенесшем политические симпатии и делавшем ставку в государственном устройстве на оседлое культурное мусульманское общество Мāвера'ннахра, а также при его брате Тармаширйне, уже провозгласившем ислам господствующей религией, среди монгольской знати

¹ Более подробные данные об этом периоде имеются в ряде работ В. В. Бартольда, в частности в его труде „Очерк истории Семиречья“ (цит. соч., изд. 1-е: Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета, т. II, Верный, 1898, стр. 129—141; изд. 2-е, Фрунзе, 1943, стр. 54—64.

было немало лиц, принявших мусульманство. Это сопровождалось углублением раскола не только между отдельными монгольскими родами, но даже между членами одной семьи, чему наглядным примером могут служить сами потомки Дувы. Хотя джагатайские ханы в XIV столетии обычно легко принимали ислам, не в пример своим кочевым подданным, в большинстве упорно остававшимся „неверными“, но даже среди сыновей и внуков Дувы мы находим и язычников, явно патронирующих исламу, и новоявленных откровенных адептов этой религиозной системы, и ярых ее противников. Несмотря на противодействие последних, исторический процесс шел своим чередом, и мусульманская культура все глубже проникала в среду пришельцев из далекой Монголии, отвоевывая себе постепенно территории бывших культурных земель.

Внешне это нашло себе выражение отчасти и в архитектурном строительстве. В долине Кашка-дарьи над могилой хана-язычника Кепека вскоре после его смерти был возведен мавзолей мусульманского типа, вероятно не без участия в этом Тармашарина. Должно быть тогда уже в Ходженде, в западной части города, была возведена усыпальница Дувы, обнаруженная мной в 1929 г., нигде пока не описанная, до сих пор не состоявшая на учете и не вошедшая в научный обиход. В более северных районах, по течению Сыр-дарьи, на территории, входившей в состав Белой Орды, в эту эпоху большую строительную деятельность развивает хан Эрзене, сын правившего в самом

начале XIV в. хана Сасы Бука. По словам автора XV в., так называемого „анонима Искандера“,¹ самим Эрзене была возведена большая часть медресе, ханака, мечетей и других богоугодных зданий, находившихся тогда в Отраре, Сабране, Дженде и Барчкете.² Правление этого хана, современника золотоордынского хана Узбека (1312—1340 гг.), по данным того же автора, продолжалось до 745/1344—1345 г.³

В эту пору в верхней части долины Таласа, служившей с XIII в. ханским яйлаком, в котором ко времени курултая потомков Чингиза 1269 г. одичавшие поля представляли прекрасные пастбища, и появился „Гумбез Манаса“, а несколько, повидимому, позднее близкое по типу здание усыпальницы, стоявшее до 1936 г. на кладбище Боботеряк, в 1.5 км западнее селения Ключевое, к югу от большой дороги из Джамбула в Талас.⁴

Если отец Кянйязяк хатун и сын Дувы, Абукка, — одно лицо, то последний мог принять ислам вместе с членами своей семьи около того же времени, когда стал мусульманином его ханствовавший брат Тармаширйн. Наиболее же вероятной датой смерти Кянйязяк хатун, даже независимо от этого, повидимому, можно считать первый день рамадана 734/пятницу 6 мая 1334 г., вскоре после чего и был отстроен сам мавзолей.

С 40-х годов XIV ст. вся Средняя Азия вступает в смутную полосу, когда в северных районах Туркестана не было благоприятной обстановки для создания в долине Таласа парадных архитектурных памятников. Семиречье чахнет от постоянных междоусобиц, и долина Таласа не была при этом „тихим уголком“; о беспокойной обстановке в ней свидетельствуют ныне находки вещевых и монетных кладов середины XIV в. Это положение было справедливо и для соседней территории по Сыр-дарье, где к концу этого столетия уже перестали существовать города Дженд и Барчкент. Когда Тимур задумал свой грандиозный поход на Китай, он вынужден был направить в Семиречье своего внука и наследника престола Мухаммад Султана не только для возведения укрепле-

¹ Имя автора этого сочинения, историка Му'ин ад-дина Натанай, установил В. В. Бартольд. Определение „анонима Искандера“. ДАН, 1927, № 6, стр. 115—116.

² В. В. Бартольд. Улугбек и его время. ЗРАН, VIII серия, по Ист.-фил. отд., т. XIII, № 5, Пгр., 1918, стр. 85.

³ С этой датой смерти Эрзене легко согласиться, так как якобы мнимо противоречащая этому монета, чеканенная в Сыгнаке, по чтению А. К. Маркова, в 723 г. х. (=1327/8 г. н. э.) от имени сына Эрзена, Мубарек хаджи, могла быть выбитой при жизни отца, подобно тому, как это имело место с 1330 по 1334 гг. в улусе Джагатая с Санджаром, фигурирующим в чекане под именем хана при жизни своего отца Тармаширйна, хотя он был только его сопровителем. Противоположную точку зрения см.: А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака. Сообщения ГАИМК, т. II, 1929, стр. 130. Как известно, чтение 728 г. х. дано А. К. Марковым взамен изображенной на монете даты 768, в которой покойный нумизмат допускал возможность ошибочного проставления цифры „6“ вместо „2“.

⁴ Купольное здание мавзолея на кладбище Боботеряк впервые зафиксировано нами при осмотре в 1925 г. В 1930 г. нами попутно был произведен обмер этого памятника, составлены небольшие схематические чертежи и сделано краткое описание памятника. В 1945 г. с трудом удалось отыскать место, где находился этот мавзолей, разобранный на кирпич в 1936 г. в связи с проведением новой дорожной трассы.

ния, но для восстановления по намечавшемуся пути следования армии земледелия, чтобы иметь некоторую продовольственную базу на месте и, в частности, по речке Ашпаре. Как известно, эти мероприятия не принесли существенных результатов, и в начале X в. долина Таласа описывалась беспристрастными очевидцами как пространство, неоднократно перед тем опустошавшееся, покрытое развалинами многих городов и давно покинутое рассеявшимся населением.

Попытки последних лет относить „Гумбез Манаса“ к памятникам „типа мусульманских мавзолеев XIV—XV столетий“ начались с голословного высказывания И. Чеканинского,¹ который сам, возможно, был под влиянием расплывчатого определения времени сооружения этого памятника П. П. Ивановым, считавшим его „возведенным во всяком случае не позднее XV в.“, без указания первого предела времени.² В более развернутом виде обоснование такого же порядка датировки содержится в печатных работах А. Н. Бернштама, в одной из которых, а именно „Мазар Манаса“ (1945), автор одновременно на разных страницах предлагает три различные варианта времени сооружения памятника: 1) пору подготовки начатого Тимуром в 1404 г. похода на Китай (стр. 9); 2) вторую половину XIV в. (стр. 10); 3) середину XIV в. (стр. 11, где одиннадцатью строками ниже указывает, что этот мавзолей „построен накануне той эпохи, когда сюда направил свои походы всемогущий Тимур“, который, как известно, начал свои вторжения в Семиречье с 1377 г.). Вместе с тем, автор, повидимому, считает свои датировки не очень убедительными, поскольку на стр. 10 признает нашу датировку 30-ми годами XIV в. „весьма вероятной“. Следуя за А. Н. Бернштамом, и Н. Рябцов утверждал, что „постройка мазара Манаса относится к концу XIV или началу XV в., т. е. к послемонгольскому периоду“.³

По А. Н. Бернштаму, отец Кяниязк хатун, которого он именует „Бука“, признается возможным сподвижником Тимура.⁴ Между тем близкого по созвучию тимуровского амира звали „Азбука“, или „Азбуга“, что значит „Белый бык“, т. е. антилопа-сайга (аз-киик — по Бабуру; аз-куйрук — по-казахски), причем слово это пишется, в отличие от имени амира, упомянутого на портале „Гумбеза Манаса“, с твердым кафом“ или даже с гайном. Относя постройку этого мавзолея в одном случае к эпохе Тимура,⁵ в другом, более широко к эпохе Тимуридов, включая время правления Шахруха и Улугбека, т. е. захватывая всю первую половину XV в.,⁶ А. Н. Бернштам утверждал, будто Тимур, его младший сын и внук, прославившийся в качестве астронома, развили активную деятельность в части восстановления городской жизни в Киргизии „в целях создания себе опорных баз для осуществления похода на Китай“.⁷

¹ И. Чеканинский. Манас. Советская Киргизия, 1936, № 209, стр. 4.

² П. П. Иванов. К вопросу о древностях..., стр. 248.

³ Н. Рябцов. Мазар Манаса. Комсомолец Киргизии, 1941, № 35, стр. 4.

⁴ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 110.

⁵ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 110.

⁶ А. Н. Бернштам. Культура..., стр. 18.

⁷ Там же.

В действительности, о походе на Китай при Шāхрухе и при Улугбеке не могло быть и речи, а при Тимуре, как отмечалось выше, осуществлялись лишь некоторые мероприятия, не принесшие существенных результатов, по созданию на пути следования армии промежуточных укреплений и по восстановлению на Ашпаре земледелия, а не городской жизни в Джеттысу. Ничего подобного не делалось Тимуроидами и позднее в первой половине XV в.

Еще менее убедительно звучит довод идеологического порядка, якобы Тимуроидами, „распространяя идею ислама“, „строили мусульманские памятники в целях насадить здесь, в Киргизии, монументальные центры мусульманской пропаганды“, причем, однако, „такие произведения архитектуры, как, например, мазар «Кянизяк хатун»... были одиноки среди моря кочевников и враждебной исламу массы тюрок и монгол“.¹

Во-первых, нет никаких данных о миссионерской деятельности Тимуров в части распространения ислама в Джеттысу. Во-вторых, совершенно ничего не известно о построении при них в Киргизии „мусульманских памятников“. В-третьих, возведение одного сравнительно небольшого здания „Гумбеза Манаса“ едва ли можно расценивать как создание „монументального центра мусульманской пропаганды“. В-четвертых, мавзолей светского лица, притом женщины, даже в глазах правоверных, не говоря о лицах, не принявших мусульманства, отнюдь не представляет собой „центра ислама“ или „мусульманского форпоста“, — как пишет А. Н. Бернштам. В-пятых, такие мавзолеи, как „Гумбез Манаса“, в XIV и XV вв. не были столь одиночками в долине Таласа. Главное же, что самый облик этого мавзолея, конструкции, декор, стиль, содержание надписей — все это характеризует его как памятник совершенно чуждой историко-культурной обстановке эпохи Тимура и Тимуров, но типичский для архитектуры первой трети XIV в. в северных туркестанских областях.

¹ Там же.